

Собеседник

Дмитриев Анатолий Васильевич

Ведущий

Летняков Денис Эдуардович

Дата записи

Беседа записана 23 марта 2013 и опубликована 25 ноября 2013.

Введение

Беседа посвящена рассказу о годах учебы в Ленинградском университете, специфике существования научного коммунизма, возникновению социологии как самостоятельной дисциплины в СССР, а также о развитии социальных наук в период кризиса коммунистической идеологии и времени после 1991 года. Ученый приводит примеры миграционных, экологических и политических проблем, с которыми сталкивается наша страна.

Денис Эдуардович Летняков: Анатолий Васильевич, давайте наш разговор начнем с вопроса о вашей биографии. Интересно, как юноша из Пензы оказался на историческом факультете Ленинградского университета?

Анатолий Васильевич Дмитриев: Из любого провинциального города многие хотят уехать. Потому что там надолго складываются свои порядки, друзья, которые, как говорится, навечно, и творческих перспектив довольно мало. Уже, наверное, к десятому классу я это стал понимать и, несмотря на советы друзей и мамы, решил куда-то уехать. Позже по ходу беседы мы упомянем Ахиезера, философа, который считал, и это относилось частично ко мне, что людей влекут к отъезду не столько материальные блага, но бегство от серой действительности. Он пишет, что русская колонизация окружающих регионов: Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и так далее — объяснялась тем, что люди бежали от общин и государства. Я этого не понимал тогда, конечно, я бежал от повседневной рутины. Ну куда? Юноши обычно начитываются всякой всячины, и тогда меня интересовала политика, дипломатия и прочее, несколько несистемно, конечно. Я понял лишь одно: что я гуманитарий, а Пензенский политехнический институт — это не для меня. Математика и физика меня совершенно не интересовали. Я подал на конкурс на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. Жданова, тогда он так именовался. Я вообще не знал, что там был и философский факультет на третьем этаже. Истфак занимал тогда второй этаж. Тогда философы учились совместно с психологами, их еще не разделяли, а кафедры социологии вообще не было. Древняя история меня не привлекала, был интерес к новейшей истории и истории США. Интерес, который я удовлетворил, защитив позже кандидатскую диссертацию.

Преподаватели исторического факультета ЛГУ

У нас читали прекрасные лекторы, я несколько фамилий вам назову, хотя вы философ, поэтому, может быть, этот список вам ничего не скажет... По древней истории Струве Василий Васильевич, его известный учебник по Древнему Востоку до сих пор считается классическим. Учебники москвичей были тогда слабоваты. Ленинградская школа более известна. Пиотровский читал нам древнее искусство. Это, разумеется, не Пиотровский-младший, который занимается сейчас сохранением коллекций, спорами с нашей соседкой Антоновой и другой ерундой, а тогдашний Пиотровский — его отец, [который] очень много времени отдавал преподаванию. Это были одни из самых лучших лекций, которые мы когда-либо слушали.

Вообще я хочу сказать, что тогда истфак доживал «золотое» время, в том смысле, что еще оставались прекрасные ораторы. Они читали лекции таким образом, что аудитории были заполнены до отказа, приходили с естественных факультетов слушать лекции.

” Например, профессор Окунь «убивал» [императора] Павла в течение двух лекций, студенты забивали аудитории, стояли в коридоре. Это был тот период, повторяю, остаток «золотого» века, когда с преподавателей не требовали обязательной публикации статей, они не играли решающую роль при аттестации. Было важно, как студенты ходят на тот или иной спецкурс.

А потом, чуть позже начались другие требования к преподавателям, и ораторское искусство на факультете сошло на нет. И сейчас это уже жалкое зрелище. Но мне повезло, поскольку я застал лекторов — учеников Тарле, ведь до этого на кафедре новой и новейшей истории читали лекции Тарле, Полетика, то есть крупнейшие знатоки. Потом, к сожалению, это все измельчало.

Работа в Пензе. Поступление и учеба в аспирантуре

Д.Л.: Это вторая половина 50-х годов?

А.Д.: Да, точно, я закончил факультет в 58-м году. Далее распределение. Мне пришел вызов из Пензы от Политехнического института.

Д.Л.: В родной город?

А.Д.: Да. Учитывая инженерный профиль института, у меня там быстро началась не сколько научная, сколько комсомольская карьера, так было принято в тот период: я стал секретарем комсомольской организации всего института, членом бюро райкома комсомола. Вскоре стал понимать, что выбрал путь несколько бесперспективный, хотя и появился какой-то навык организационной работы, много новых друзей. И я взял грех на душу — не спрашивая разрешения своего начальства, то есть секретаря райкома и ректора, я подал в аспирантуру документы на свой родной исторический факультет Ленинградского университета.

Конкурс был большой, и все пятерки на экзаменах получили лишь два человека: некая молодая дама из Молдавии и я. Место было одно. Благодаря заведующему кафедрой Ревуненкову выхлопотали два места — одно для нее, а другое для меня. Вскоре выяснилось, что моя конкурентка поступила в аспирантуру с другими целями, не научными, и это все быстро обнаружилось, а я остался на кафедре. С философами я познакомился несколько раньше, еще на пятом курсе. Конечно, к тому времени, несмотря на прекрасные лекции историков, фактология несколько преобладала. К сожалению, первое знакомство с преподавателями философского факультета было, как бы сказать помягче, непродуктивным. С третьего этажа к нам спускались чтецы лекций по педагогике. Вспоминаю их с содроганием. В общем, мы, историки, тогда философов вообще не воспринимали, впрочем, как и юристов, считали последних пройдохами. Между факультетами, как известно, были некоторые противоречия. Мы считали, что философы непонятно чем занимаются.

Д.Л.: Чудаки какие-то да?

А.Д.: Да, у нас не читали просто курсы, за исключением педагогики. А вдруг появился преподаватель, который, говорят, очень интересно читает. На пятом курсе можно было спецкурс выбирать самому, я сбежал с курса французской истории, записавшись на новый для нас спецкурс «Критика буржуазной социологии». И когда я пришел, пришел не один, а девушки все пошли со мной, несколько ребят, но в основном все девицы — узнали, конечно, что молодой преподаватель. Блестяще читает, не заглядывая ни в какие конспекты, критикует основоположников буржуазной социологии так, что всем хочется почитать этих социологов. Вот тогда я впервые познакомился с социальным философом. Это был Игорь Семенович Кон. Девушки, правда, быстро разочаровались — он, по-видимому, нравился как молодой неженатый мужчина. Они пятикурсники, а он старше их всего на несколько лет, к тому же довольно привлекателен и еще так читает лекции. Когда я спрашивал девушек, почему они перестали ходить, они отвечали: «Он не обращает на нас внимания». Потом уже, лет через двадцать догадались о причине. Мы остались, несколько человек, я сдавал спецкурс у него. Я уж не помню, какую оценку у него получил. То есть это было первое знакомство с философом.

Д.Л.: Но Кон — это же тот, который потом сексологией занимался?

А.Д.: Да, Игорь Семенович Кон. Он работал в последнее время в Институте этнологии у Тишкова.

Д.Л.: Но он именно как философ начинал?

А.Д.: Да, он заканчивал философский факультет. Возвращаясь к своему жизнеописанию, скажу, я был какой-то чересчур активный. Когда я был аспирантом, меня избрали председателем профкома всего университета, довольно много работы появилось, но позиции в университете окрепли. И когда на кафедре новой и новейшей профессор Корнеев ушел в докторский отпуск, меня взяли на его место. Так я стал преподавателем исторического факультета Ленинградского университета. Был чрезвычайно доволен.

Дальше случилась классическая история того времени: в партком пришла жена Корнеева и заявила, что ее муж поехал на дачу писать диссертацию, но когда она приехала его проведать, выяснилось, что он пишет диссертацию вместе с молодой девушкой. А тогда это считалось, конечно, «аморальным поведением». И как санкция было решение отозвать его из докторантуры. И так я оказался безработным.

В это время создавалась новая кафедра на третьем этаже, на философском факультете — кафедра научного коммунизма. Меня взяли на эту кафедру, там довольно интересные люди работали: специалисты по этническим отношениям, то есть этнос в период социализма и коммунизма. Те же самые преподаватели философии, которые пытались привести марксизм-ленинизм в стройную логическую систему.

Направление на Кубу и возвращение в Ленинград

К этому времени я уже защитил кандидатскую диссертацию по исторической тематике — по антитрестовской политике правительства США. На новой кафедре я проработал совсем недолго. Мне предложили поехать на Кубу в составе группы ЦК комсомола, для помощи комсомолу Кубы. Причем собрали молодых людей из Москвы, Ленинграда и Киева. Хорошие оказались ребята, но ни один из нас не знал испанского языка. Когда мы приехали, выяснилось, что наши комсомольские руководители тогда не понимали сложившейся обстановки. На месте выяснилось, что молодежь кубинская, союз молодежи коммунистический — это ребята по 17–18 лет, а нам-то уже 25–26 лет. То есть уже разница возрастная, к тому же языка не знаем.

Д.Л.: Вы должны были какую-то идейную помощь им оказать?

А.Д.: Мы сами тогда еще не определились, а в ЦК комсомола и подавно. В общем, контакты пытались наладить, нас устроили преподавателями.

Д.Л.: На русском читать лекции?

А.Д.: А как же еще? Должны были изучить язык за два года. Ну, а какие контакты? Иногда с переводчиком. В университете Сантьяго помогала иногда переводчица из строительной бригады. Термины знала неплохо, но затруднения были. Как-то раз, если уж говорить о смешных случаях, переводчица, симпатичная такая, пригласила меня на Новый год, я обрадовался, поехал. Приехал — этой переводчицы не нашел, хотя долго переступал через безнадежно лежащих на полу строителей.

Многие советские специалисты поехали туда просто ради любопытства, у меня тоже вначале было любопытство, потому что это было сразу после революции. Жить на продовольственных карточках, не зная язык, то есть не имея контактов, я вскоре понял, что это бесперспективно для меня, неинтересно. Я стал просить о возврате.

Мне повезло. Послом тогда на Кубе был Алексеев. Вначале он мне отказал. Когда я уже уходил, он осмотрел наконец мои документы: «Слушай, а ты, оказывается, оканчивал исторический факультет, я тоже его выпускник. Как вот этот преподаватель, как тот, как тот?..» То есть мне повезло. В жизни бывают такие случаи.

Написание докторской диссертации и занятие социологией

Я вернулся на философский факультет. Преподавал, готовил докторскую, меня тогда заинтересовала социология. Эта наука исследовалась тогда в рамках философии, это сейчас она выделилась. Я вам уже назвал Кона, также я познакомился и с Ядовым Владимиром Александровичем. Среди экономистов-социологов был такой Ельмеев, среди философствующих юристов Керимов Джангир Аббасович, в философии права он классик.

Тема моей докторской была политическая социология США. Напоминаю, что тогда социология развивалась еще в рамках философии. Я защитился в 73-м году, будучи уже замдиректора, я перешел с кафедры научного коммунизма, стал замдиректора Института комплексных социальных исследований (НИКСИ).

Д.Л.: Это все еще было в Ленинграде?

А.Д.: Да. Это был первый самостоятельный социологический институт в Ленинградском университете. Ядов во главе этого института был несколько месяцев. Но потом там какие-то стычки были между Ельмеевым и Ядовым: Ельмеев — экономист в области труда — тянул институт в сторону экономической социологии, планов социального развития предприятий. Они, короче говоря, переругались, и их сразу двух заменили. Тогда это быстро делалось. Они перешли на факультет снова. Директором стал тогда Керимов Джангир Аббасович, он же проректор университета, а я оказался его замом по научной работе.

Тогда Ленинград был центром движения по социальному планированию. Это нравилось партийным органам, потому что впервые вводились комплексные социальные показатели. И таким образом моя научная карьера пошла в сторону внутренней политики, то есть чистой социологии. Тематику США я забросил, а интерес к философии появился несколько позже.

Когда я работал замдиректора этого института, неожиданно партийная организация Ленинграда решила, что разрозненные филиалы академических институтов надо объединить, сделать мощный академический институт, который бы работал в первую очередь на Ленинград и ленинградцев, а не на какие-то там московские институты. Учтите, что всегда было скрытое противоречие между ленинградцами и москвичами. Создали институт ИСЭП — Институт социально-экономических проблем, объединив многие филиалы.

Д.Л.: То есть получается, вы поначалу занимались прикладными вещами в большей степени?

А.Д.: Да, только прикладными. Философы факультета ЛГУ тогда погрязли, как это обычно бывает, во внутренних проблемах. Сейчас, слава богу, нашему Институту философии это не свойственно.

” Тогда же по разным линиям шло противостояние на факультете философии. То есть там и молодые, и старые работники, тут и социологи, и психологи, и философы. Философы с трудом терпели социологов, так же, как у социологов были свои аргументы против философии.

Отпочковывались новые направления: социология в частности. В той среде был сильный консерватизм взглядов. В общем, период был довольно сложным. В эти проблемы ИСЭП старался не вмешиваться. Поэтому когда создавался академический институт, меня снова сделали замдиректора, курирующего социологию, прикладные исследования.

Попытка присоединения кафедры философии к ИСЭП и переезд

в Москву

А закончилась моя карьера в Ленинграде неожиданно. В конце 78-го года руководство областной партийной организации, отдел науки, решило присоединить академическую кафедру философии к этому институту. «А что это они там делают, что преподают — неизвестно. Жируют, занятия только среди аспирантов. Надо, чтобы они занимались делом, а не философствовали, то есть бездельничали», — такое мнение было отдела науки. Тогда заведующим кафедрой был Перфильев. Какие-то, может быть, личные отношения, кому-то не нравился, а в таких случаях всегда подвешивались более широкие претензии.

Меня послали в Москву: тебе, говорят, это ближе по тематике. На отделение философии и права. У нас на втором этаже в Институте философии, сейчас оно называется отделением философии, социологии, психологии и права во главе со Стёпиным. Меня послали на бюро этого отделения доказать необходимость присоединения к институту. ИСЭП, про который я уже говорил, принадлежал отделению экономики, я тогда еще в этих межакадемических противоречиях не разбирался. Послали меня на это отделение с тем, чтобы я добился присоединения кафедры философии к ИСЭПу. Именно к этому институту, чтобы философы начали наконец работать, а не бездельничать, — так мне было сказано.

Я вам это рассказываю, потому что это интересная история. И частный случай, связанный с моей судьбой. Тогда руководителем отделения был академик Егоров Анатолий Григорьевич. Приехал я тогда вместе с Перфильевым на бюро отделения, изложил точку зрения обкома, что надо кафедру присоединять. И тут я подвергся, конечно, всеобщему осуждению со стороны присутствующих. Академик Украинцев, сам Егоров, еще ряд академиков сказали. Я потом только начал понимать, в чем дело. «Ты что же, хочешь нашу кафедру перетащить в отделение экономики? Это вообще у нас не принято. Что за хулиганство! А что касается мнения областной партийной организации, то это я сейчас выясню», — сказал Егоров. Немедленно соединяется с Романовым по вертушке и говорит: «Приехал тут какой-то молодой человек, хочет перетащить кафедру из одного отделения академии в другое, вы в курсе дела?» Тот говорит: «Первый раз слышу». И мне Егоров говорит: «Уезжай, ничего мы тебе не отдадим». Ну, я пробормотал что-то и уехал. И через полтора месяца вдруг приходит мне вызов из ЦК КПСС, подписанный Егоровым, он тогда членом ЦК был, с предложением переехать в Москву в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. То есть несмотря на мое осуждение на бюро, я понравился им чем-то, и меня довольно быстро перевели в Москву на улицу Вильгельма Пика, где располагался Институт марксизма-ленинизма.

Работа в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Д.Л.: А чем он занимался? Что это был за институт?

А.Д.: Институт при ЦК КПСС — это, конечно, научно-идеологическая исследовательская работа. Я вам скажу, чем они занимались: издавали полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, МЕГА, так называемая, вместе с японцами и гэдээровцами. Раз. Полное собрание сочинений Ленина, исправленное, до сих пор ведь многое не опубликовано, то есть обновленное издание. Это два. И наконец, исследовательская работа по стратегии развития СССР.

Д.Л.: Сочинения Ленина с купюрами какими-нибудь?

А.Д.: Естественно. Было обсуждение: нужны купюры, не нужны купюры, историки разбирались. И отдел этнических отношений, где главной проблемой было формирование единой общности (советский народ), социальная однородность также обсуждалась. Тогда ведь децильный коэффициент был 3:1 по официальным статистическим данным. То есть 10% самых бедных и 10% самых богатых: 1:3 и все. В США тогда было 1:6.

Кстати, сейчас вы знаете, какой у нас коэффициент? 1:17 официально, в Москве 1:32. Вот дифференциация. Слишком малая дифференциация приводила к ситуации, когда социальные лифты были закрыты. Сейчас

маятник качнулся в другую сторону. Я стал там работать, но поскольку я был относительно для того времени молодым, меня довольно быстро избрали секретарем парткома всего института, членом ЦК и еще были какие-то другие партийные поручения. Партийная карьера начала складываться.

Д.Л.: Вы были членом ЦК?

А.Д.: ЦК РКП, Российской коммунистической партии. Тогда была создана в противовес КПСС, ну, я уж не знаю точно, какие силы ее создавали, но явно с согласия Горбачева.

” Горбачев тогда, боясь конкуренции, добился, чтобы секретарем стал совершенно никчемный человек. Зюганов тогда тоже баллотировался, но не получил большинства и снял кандидатуру. Уже тогда, это были 60-е, я понял, что КПСС близится к краху.

Д.Л.: Уже тогда?

А.Д.: Конечно. Например, я вам расскажу об одном случае. Я по должности был секретарем парткома, и мы вывели вместе с председателем профкома... Я несколько примеров назову, чтобы вы знали, какие нравы тогда уже существовали в Институте марксизма-ленинизма...

” Мы вывели на концерт Пугачевой сотрудников института, они сами захотели послушать ее, концерт был в консерватории. Она модная тогда была, интересная. На следующий день после концерта меня пригласили в ЦК, в отдел науки. Говорят: «Читай бумаги». Читаю: «Секретарь парткома вместе со своим подельником вывели нас на упаднический концерт». И прочее, прочее, прочее. В отделе посмеялись, конечно, сказали: «Просто учти».

Д.Л.: Кто-то настучал, да?

А.Д.: Да, под бумагой стояло около десяти подписей. Люди, которые там работали, я уже знаю, многие были фанаты, а многие — просто неудачники. Карьера не удалась в партийных органах. Допустим, он был секретарем ЦК в республике, на Украине, например. У него не удалась партийная карьера, трудоустраивают куда-нибудь: «Хочешь наукой заниматься? Иди в институт». Ну, это вот мелочное замечание. Посерьезней были другие вещи. Например, я член райкома Бабушкинского района. В 85-м году ввели сухой закон, осенью. Тогда мы еще мало что знали о Ельцине, но узнали, когда он стал секретарем горкома. И вот мы каждую неделю в бюро райкома вешаем выговоры за пьянки, особенно ВГИКовцам и работникам студии Горького. Они, видимо, партийным работникам не нравились. Вот выговоры, выговоры. Ельцин звонит и спрашивает: «Сколько в районе осталось магазинов по продаже спиртного?». Ему говорят: «Три». — «Чтоб завтра было два». Вы себе не представляете, какие очереди были в районе. Очереди, где поносят и Горбачева, и партию. Ельцина не ругали. Как это у русского человека отнять спиртное? Вскоре секретарем ЦК по идеологии стал Яковлев Александр Николаевич, вам фамилия эта известна. Он был, конечно, борец с консерватизмом, хотя в целом правоверный. Я помню, как он приглашал нас в отдел и ругал, что у нас мало марксизма, когда еще он работал зам. зав. идеологическим отделом. Нас приглашал и говорил, что мы отходим от марксизма. После того как побывал послом в Канаде, совсем другим стал. Это бывает. В общем, Александр Николаевич был, мягко скажем, своеобразным человеком.

Что он сделал? Он сменил директора ИМЛ и поставил Смирнова Георгия Лукича. Он философ известный, если вы почитаете книги, он по-моему одно время был директором Института философии. Есть книжка такая «Советский человек», его все звали «советский человек», так же как Лапина «молодой Маркс» зовут

до сих пор, книжка у него была «Молодой Маркс». Пришел Смирнов в директорский кабинет и говорит: «Толя, — у нас всегда были хорошие отношения, — нам надо очистить институт. Догматики же сплошные тут». Я говорю: «Ну да, догматиков, вообще говоря, много». Георгий Лукич продолжает: «А вот что это за советский народ, такая новая общность? А столкновения в Сумгаите, Тбилиси... Где эта общность? Давай подумаем о руководстве направления».

”
Ведь у нас так мыслят: если что-то не годится, какая-то проблема — кто виноват? Человек, который возглавляет это направление. Такой уж менталитет. Надо что-то реорганизовать, создать новый отдел, нового человека поставить, тогда все и решится.

Возвращение из партийной в академическую систему

Два-три раза он просил помочь, кого-то убрать, кого-то выгнать. И я сказал: «Да идите вы все!» В то время умирает редактор журнала «Социологические исследования» Харчев Анатолий Григорьевич. У него одна из работ была по браку и семье в СССР, первая работа монументального характера. И меня вызывают снова в отделение философии, говорят: «Слушай, бросай ты всю эту партийную систему. Ты же видишь, что творится. Переходи снова в Академию наук главным редактором журнала». Я говорю: «Я теряю зарплату и статус. Зарплата нищенская». Они: «Ну, мы тебя и еще замдиректора Института социологии сделаем». Сказали — сделали, я перешел и до сих пор не жалею. Конечно, стало тяжелее материально, да и статусно. Раньше я мог поехать в любой санаторий. Я стал главным редактором «Социологических исследований» в 86-м году и замдиректора в Институте социологии, то есть началась у меня снова социологическая карьера.

Д.Л.: А Институт марксизма-ленинизма, он кому подчинялся?

А.Д.: Напрямую ЦК КПСС. Вплоть до переворота — путча, или как он там называется, этот переворот. Он был при ЦК КПСС. Как только ЦК КПСС исчез, он стал независимым Институтом социально-экономических проблем. Так, по-моему, назывался, и во главе его встал Горшков. Это был независимый частный институт. На что он существовал? Руководство стало сдавать в аренду помещения. Хотя сначала хотели эти помещения захватить всякого рода чиновники и законодатели. Даже здание на площади Гагарина (*показывает на здание Президиума РАН*). Но почему на Вильгельма Пика они не взяли? Далеко ехать. Надо приподнимать нижнюю часть тела, да и ехать далеко. В общем, отстояли здание. Сейчас вот новые нападки на Институт философии. Академия потеряла и помещение Института человека. Но все-таки вернемся к работе главного редактора «Социологических исследований». Было переломное время. Авторам много, спрос большой, тираж журнала доходил до десяти тысяч, сейчас где-то около тысячи.

Я ушел из журнала в 95-м году. Десять лет достаточно. В конце 80-х годов еще был Советский Союз, подписчиками были и украинцы, и многие другие из республик. Впервые мне было свободно и интересно работать: никто меня не сдерживает, никакие выговоры не светят. Что хочешь, то и делай, можно работать. Перестройка, конечно, дала свободу творчества. Став главным редактором, я автоматически вошел в состав отделения, где Институт философии и ряд других.

Д.Л.: Вы имеете в виду отделение по общественным наукам?

А.Д.: Это сейчас оно так называется. Тогда оно называлось отделение философии и права. Стали уже коллеги более творческими, без идеологических шор, официальных во всяком случае. Стал работать главным редактором, замдиректора, перестройка продолжалась. Яковлев продолжал чистить руководство институтов. Был назначен директором Института социологии Ядов Владимир Александрович. Этот был период довольно сложный, отношения не всегда складывались. Я был главным редактором «Социса» до 95-го года. Мне было предложено академическим начальством перейти в отделение работать

заместителем академика-секретаря, то есть курировать все институты по оргработе. Тогда же входили в отделение Институт государства и права, Институт психологии, Институт человека, созданный благодаря Фролову Ивану Тимофеевичу. Здание для Института человека было выделено на улице Герцена, потом его отняли у нас, был рейдерский захват.

Об Институте философии Академии наук

Короче говоря, я стал работать зам. академика-секретаря, академиком-секретарем был Кудрявцев Владимир Николаевич, юрист, который курировал все эти институты и был вице-президентом Академии наук. Так я познакомился уже ближе с сотрудниками Института философии. Проработал несколько лет. Когда чиновник считается работником президиума, он может выбрать после того, как захочет уйти с этой должности, любой из подшефных ему ранее институтов для последующей работы. Ну, для меня, конечно, был Институт философии ближе, не только потому, что я там работал на втором этаже, а поскольку это, по моему мнению, самый творческий институт в отделении. Скажем, если у психологов, социологов существуют довольно жесткие исследовательские проекты, программы, то есть люди административно связаны общеинститутской программой, к тому же все время им дают какие-то задания и так далее. А Институту философии кто даст задания? Никто, даже президиум не может сколь-либо внятно определить философское задание. На минуту представьте: кто сможет сформулировать то, чем должен заниматься Институт философии?

Д.Л.: У нас есть какая-то тема, но она очень общая.

А.Д.: Тема — одно. Это они могут. А программа — это совсем другое. Темы у всех разные. Ну, можно сказать по социальной философии — модернизационные тренды или еще что-нибудь, Россия в эпоху модернизации. Все вообще можно, даже тему по восточной философии. Что меня привлекло в Институте философии? Во-первых, интерес к социальной философии. Во-вторых, творческая атмосфера и отсутствие дрязг. Я пошел в сектор Федотовой.

Д.Л.: Да, где вы и работаете.

А.Д.: Сектор озадачен проблемой реформ, модернизаций. Это шапка. Здесь прекрасная возможность для творчества. Нет жесткости в показателях планах и отчетности, как в других институтах. И, конечно, очень интересные коллеги, с которыми можно общаться. Потому что, ну, вот я работаю на полставки в Институте социологии, я уже примерно знаю, кто что из моих коллег скажет, кто и что сделает. А что касается Института философии, где я член Ученого совета, — когда я слушаю коллег, то учусь, хотя испытываю какую-то нервную нагрузку. Потому что на разные темы разговоры идут, в которых я мало сведущ, философия Востока к примеру. Но для меня это интересно с познавательной точки зрения. Формулировка вопросов несколько оригинальна и многословна, по сравнению с социологами. Например, я как социолог или социальный философ, где-то на стыке я работаю — для нас очень важны конкретные показатели.

”
Ведь социология отпочковалась от философии отчасти по причине контовского введения понятия факта. Если философы в основном на обобщениях до сих пор живут, то социологи живут на понятиях факта. Сам я заикнулся на этих фактах и трендах. Для меня любые выступления на том же Ученом совете института до сих пор открытия.

Таким образом я работаю в Институте философии и об этом несколько не жалею. И качество дирекции тоже очень много значит, я в своей длинной жизни много разных начальников видел. И не терплю диктаторов. В Институте философии были, очевидно, когда-то диктаторы. Я их не застал. Философия не может руководиться директивными методами или указаниями, или чем-то еще. В Институте философии

этого нет. При Степине диктата не было, я как раз застал время, когда уходил Лапин с поста директора и приходил Степин. Он так же, как Гусейнов не заставляет людей делать то, что они не хотят. Это редко в каком институте встретишь.

Д.Л.: Это ценно конечно.

А.Д.: Очень ценно, вы молодой человек, и не знаю, осознаете это или нет. В Институте философии нет принудительного труда. Хотя с моей точки зрения в институте интенсивно работают не все, некоторые, пользуясь отсутствием жесткого контроля, слабоваты. Я иногда удивляюсь спорам, когда план идет на следующий год, — кто сколько напишет. Скажем, предлагается один печатный лист — некоторые считают, что это много! Для меня это странно... Посмотрите на того же Ойзермана, сколько он издает до сих пор, — и на многих других. Я просто восхищаюсь некоторыми людьми. А другие спорят: «Печатный лист... Философия, она не требует временного какого-то лага».

О своих научных работах и интересах

Ваши вопросы, которые вы мне задали, они, конечно, очень любопытны для социального философа. Перед встречей с вами я посмотрел разделы о предмете философии и мнение директора о том, чем должна заниматься философия. Вы видели эту книгу?

Д.Л.: Нет, не видел.

А.Д.: Избранные работы Салама Керимовича, которые издал Санкт-Петербургский гуманитарный университет. Есть определение философии только как теории, то есть как школы. По другому мнению, философия сводится исключительно к познавательной способности человека. Для меня как для социолога философия воспринимается по первому варианту, то есть и как частный метод познания для себя лично.

Ругают сейчас постмодернистов, в том числе в этой книге. «Постмодернистскую линию, о которой шла речь в ее позитивной части», — пишет Салам Керимович, — «можно понять как стремление переориентировать философию на искусство и литературу, что в значительной мере определяет ее язык и тематику». Вот случай и меня поругать: будем считать, что я постмодернист, поскольку я занимаюсь конфликтологией, поскольку я занимаюсь миграцией. Мой язык, он, конечно, не чисто философский, он содержит термины, на мой взгляд, отражающие действительность более реально.

” Если закрыться в башне из слоновой кости целым философским коллективом, можно сколько угодно общаться между собой, это же так приятно.

Но преломлять знания к конкретной жизни, наверное, хоть кто-то сможет, я пытаюсь это делать в нескольких направлениях: в культурном, этическом направлениях, в частности, в конфликтологии.

Д.Л.: Вы не могли бы рассказать об этом подробнее?

А.Д.: Да, я расскажу, покажу свои книги. Учебник по конфликтологии. Четвертое издание уже. Вот «Миграции и конфликтное поведение» — это направление было последнее. Я был один из первых, кто стал говорить о потенциале конфликтогенности миграции, к великому неудовольствию демографов, экономистов и многих других. Почему-то говорят, что в моих рассуждениях есть элементы интолерантности. А теперь, впрочем, критика ослабла, стали признавать негативные элементы в миграции.

Д.Л.: Как вы вышли на тему конфликтологии, как стали ею заниматься?

А.Д.: Во-первых, не я один, а мой коллега и учитель Кудрявцев, он уже ушел, к сожалению. Один из первых

юристов, который начал заниматься социальными проблемами преступности. А что касается меня, то я давно обратил внимание на теорию противоречия в философии. Были работы Штракса, еще какие-то есть книги. Слабо разработанная, хотя на общефилософском плане, гегелевском, скажем, дело обстоит лучше. Но при конкретном анализе событий теория не работает. Все же должны изучаться конкретные механизмы. Как перевести противоречие в показатели, вот чем мог бы заниматься социальный философ, а социолог тем более. Это всегда является трудным, почти невозможным предприятием. Да, конфликт выходит из противоречий, а как? Где этот механизм? Кто может его изучить? Попытки такие мы делали несколько раз со своим коллегой, он в области юриспруденции, я, в основном, в области социальных отношений. Конфликты в социологии — это, конечно, конфликты между социальными группами. По поводу различий интересов, ценностей обычно рассуждают социологи. Ценность — это, возможно, более философский термин. Конфликт идентичностей — большая забота социологов.

Но каждый раз, когда мы об этом рассуждаем — это общие фразы, — возникают многие конкретные вещи, которые очень трудно однозначно оценить. Такие попытки делаются, в частности по миграции, где доказываются причины конфликтов, определяется тренд этих конфликтов.

В области культуры — я не знаю, если вам близко: «Смех: социофилософский анализ». В тексте заметен социологический уклон, а вот у моего молодого соавтора Сычева, мордовского исследователя, философский.

Д.Л.: Очень интересно. То есть вы изучали природу смеха в разных культурах?

А.Д.: Да, посмотрите по оглавлению книги. Смех в разных культурах, этические проблемы смеха и юмора. Сатира немного присутствует. Несколько книг у меня вышло на тему политического юмора. Но это было давно, лет десять назад, сейчас я этим уже не занимаюсь. Ныне меня интересует миграция, несущая чрезвычайно острые проблемы для России и для всего мира. Возможно, это один из признаков полной деградации страны.

Вы в связи с этим задавали вопрос: когда работаешь над конфликтами, конечно, приходится смотреть другие работы. В том числе философов, Ахиезера например. К миграционным конфликтам пригодна его идея раскола общества, манихейства. Он доказал, что миграция, в отличие от современного понимания, носит другой причинный характер — не получение материальной выгоды, как у нас считают: мигрант приехал за рублем. Нет, это, во-первых, мы уже с вами говорили, — бегство от государства. В частности, в российской истории так произошло заселение регионов Сибири и Дальнего Востока. Ахиезер считал, что еще с древних пор люди бегут от своей общины, от своего племени, именно оттуда, где жесткие порядки. Есть, конечно, и другие причины. Любопытство например. Почему мы сбрасываем это со счета?

Из молодых философов я вам уже назвал Сычева, не только потому, что он мой соавтор, но это молодой человек чрезвычайно эрудированный, помешан на наследии Бахтина.

Д.Л.: Бахтин тоже занимался смеховой культурой.

А.Д.: Да, карнавалом как элементом культуры. Не знаю, работал ли Бахтин в Мордовии, но там зовут местным Бахтиным Андрея Сычева. Молодой толковый парень. Других я мало знаю. Но вот, извините, вернемся к конфликтологии. Здесь до сих пор многое не разработано именно в философском плане. Хотя в прикладном — у американцев, у немцев, у кого угодно — методов как регулировать конфликты в прикладном плане полно.

Д.Л.: А вы занимаетесь и прикладными разработками, и теоретическими?

А.Д.: Да, что касается прикладных, то их у меня довольно много, плюс учебник и словари.

Социально-экономические и политические проблемы России

Д.Л.: Я смотрел, вы занимались конфликтами на юге России.

А.Д.: Там чрезвычайно неблагоприятная ситуация. Об этом у нас говорят, но лишь несколько человек считают, что вероятность потери Юга существует. Я считаю, что образование, в частности, Северо-Кавказского федерального округа с включением туда Ставрополя — это конфликтогенный вариант решения. С тезисом, с которым можно поспорить, — что отдали республикам Ставрополье на заселение, — дело не ограничивается. Все же экономическим центром, где можно было бы собрать Юг, по-прежнему остается Ростов.

Что касается Дагестана, то с дагестанскими учеными у нас сотрудничество, в нашем секторе работает бывший президент Дагестана, доктор Муху Алиев. Там происходят многочисленные конфликты, в первую очередь земельные, между этносами. Русские в большинстве своем уехали, либо уезжают по экономическим причинам, потому что промышленные предприятия не работают; по причинам давления этнических групп; из-за карьерной бесперспективности.

К тому же в республике идет соперничество, конкуренция по поводу земельных участков. Этносы часто расположены чересполосно. Когда люди из горных регионов спускаются в долину, то обнаруживают, что все земли уже заняты. Но что им делать? Переезжать в другие регионы, скажем, в Москву? От хорошей природы, от прекрасных климатических условий? Не все на это решаются. В Ставрополье? Но местное население их воспринимает так же нерадушно. Земельные стычки, которые там происходят, — это не стычки между федералами и регионалами, они скорее внутренние. Убийства милиционеров, глав администрации, что косвенно отражает характер внутриэтнических отношений.

Д.Л.: То есть это не то, что ваххабиты воюют с федералами?

А.Д.: Если мы так скажем — это будет упрощением. Но каша варится.

Д.Л.: То есть растет население и проблема нехватки земель?

А.Д.: Безработица, особенно среди молодежи. В виду такой бедности, отсталости ваххабитам среди молодежи работать, конечно, легче. К тому же имамов старой школы вытесняют. Регион, конечно, конфликтогенный. Один из ваших вопросов касается трендов российской политики. Не знаю, осмелился ли кто из философов вам дать прогноз развития страны. Осмелились?

Д.Л.: Нет, пока никто.

А.Д.: Никто, по-видимому, и не осмелится. Прогноз, даже климатический, основанный на изучении метеосводок, на изучении трендов, которые были десятки лет назад, часто ошибочен. Мы говорим с вами о будущем, а оно вот уже, подошло, это будущее. Прогноз же просто невозможен. А что касается определений главных проблем, актуальных тенденций, конечно, здесь можно что-то сделать. В будущем некоторые конфликты будут нарастать. Особенно территориальные конфликты.

Д.Л.: Вообще в мире или в России?

А.Д.: И в мире, и у нас, в России — в особенности. Потому что у нас также сохраняются противоречия. Только что мы с вами говорили о децильном коэффициенте — это одна из проблем. Другая проблема в заметной асимметрии в региональном развитии. И какие-то попытки ее изменить ни к чему не приводят. Вот эти программы в межрегиональном развитии чаще всего не выполняются. То же самое можно сказать о «нацпроектах». Или о программе «Сколково». И так далее. То есть какие-то модернизационные проекты объявляются и, естественно, не выполняются.

Но противоречия всем ясны — несколько регионов-доноров и несколько бедных. Конечно, все условно, потому что ситуация регулируется сверху федеральным правительством. Пока удастся собирать налоги, потом отдавать слаборазвитым. Но никто не знает, сколько это будет продолжаться. До сих пор считают, что Советский Союз рухнул, потому что демократии мало было. Экономисты же по-другому говорят: резко сбросили американцы с помощью Саудовской Аравии цены на нефть, и сразу бюджет рухнул. Сколько сейчас процентов продовольствия закупается за рубежом? Кто-то говорит 60%, некоторые говорят — 70%.

Теперь республикам, тем же самым, о которых мы говорили только что, идут большие субсидии. Представьте себе, что источник иссяк, не дают деньги. Рядом Турция.

Д.Л.: Тем более, что Турция сейчас поднимается, у нее большие геополитические планы.

А.Д.: Конечно. Развитие, причем с преимущественно мусульманским уклоном, то есть почва идеологическая, экономическая уже подготовлена. Пока, слава богу, этого не происходит, потому что пока республиканская элита, если так можно назвать правящие круги, не рискует. Но ситуация постепенно меняется. Тренды достаточно негативные.

Несколько слов о воздействии США. С моей точкой зрения, США абсолютно не заинтересованы в развале России. По одной простой причине: это приведет к непредсказуемым последствиям. Ядерное-то оружие существует. А если, представляете, над ним будут потеряны элементы контроля? И что тогда будет? Конечно, они поджимают, пытаются диктовать, но в повестке дня раздел России со стороны США пока не предусматривается.

Д.Л.: Вы в прошлом американист. Как вы считаете: антиамериканская истерия, которая сейчас в СМИ идет, — это попытка отвлечь народ от внутренних проблем или что-то другое?

А.Д.: Нет, мне кажется, что нечто другое. Не вся пресса антиамериканская. Есть же интеллектуалы.

Д.Л.: Креативный класс.

А.Д.: Да. Не все же смотрят телевидение. Есть интернет, есть газеты. Я люблю читать. В интернете антиамериканизма гораздо меньше, чем на телевизионных каналах. Стали появляться статьи, в которых говорят: ну что вы развели эту антиамериканскую компанию? У них нет территориальных претензий, а вот посмотрите на Китай. Недавно Китаю отдали половину большого острова и маленький остров. А Даманский еще до этого отдали. И так спорные территории мы отдаем и каждый раз подписываем договоры о том, что наконец все пограничные спорные вопросы отрегулированы.

Новые территориальные претензии официально не объявлены, возможно, пока. Сейчас Китаю не выгодно это предъявлять, поскольку у него нарастают противоречия с Америкой, с Японией и другими. Но природные ресурсы наши, конечно, у китайцев вызывают огромную зависть, особенно Байкал. Водные конфликты постепенно приходят на смену нефтяным. Вы никогда не были в Китае? Как-нибудь побывайте. Там тяжелая экологическая обстановка. Янцзы и Хуанхэ — это зловонные потоки. Амур тоже загрязняется, в основном со стороны китайцев. Откуда Китаю брать ресурсы? С Индией, что ли, воевать через Гималаи? С Вьетнамом, где тоже все заселено? А на севере лежат огромные незаселенные территории. К сожалению, никакие саммиты с баснословными расходами не удерживают наше население.

” Поэтому, снова говоря о трендах, заметим, что период пассионарности Россия прошла. Не можем найти общую идею. Вы видели какие-то публикации по национальной идее?

Д.Л.: Думаете, нужна такая одна объединяющая идея?

А.Д.: При ответе на ваш вопрос скажу, что еще при Ельцине, когда я работал каким-то чиновником в отделении, появилось распоряжение Ельцина подготовить за месячный срок национальную идею. Ничего ему, конечно же, не подготовили, сказали, что все отказываются, ссылаясь на то, что оно должно родиться внутри. Тогдашнее руководство сказало: «Ну и хорошо, пусть рождается! Подождем». И вот оно до сих пор рождается.

Наш любимый премьер, повелитель времени, постоянно говорит о модернизации. Как идея модернизация банальна, она мало кого воодушевит. Да, действительно, страна должна модернизироваться, но как национальная идея, рождающая духовную мобилизацию, она не работает. «Сколково» — вот и вся вам идея.

Д.Л.: Просто другие страны живут без национальной идеи.

А.Д.: Что написано на долларе? Не помните?

Д.Л.: «В бога мы верим». С другой стороны, Китай ведь тоже хоронили, вспомните всех философов XIX века, от Чаадаева до Данилевского, — все говорили, что умирающая, дряхлеющая цивилизация. Видите, как она воспряла духом.

А.Д.: В китайском руководстве люди размеренные и умные, но не будем забывать, что происходит в стране. Нищета жуткая. В пересчете ВВП на душу населения мы впереди них.

Д.Л.: У них, по-моему, 117-е место.

А.Д.: У них так же, как и у нас, сильное регионально различие. Я уж не говорю о Тибете, Внутренней Монголии, это другой вопрос. Юго-восток перенаселен, в особенности там, где свободные экономические зоны.

Д.Л.: Побережье.

А.Д.: Побережье. Туда ежегодно переезжают десятки миллионов. А чуть в сторону, чуть западнее — совсем другая страна. Просто нищета.

Д.Л.: У них тоже свои проблемы.

А.Д.: В основном экологическая. Есть и увеличение социальной дифференциации, у них уже и своя Рублевка появилась. У них хоть руководящая компартия, но есть районы, куда простому человеку уже и не попасть. Расслоение внутри компартии идет колоссальное. Правда, они там хоть и истребляют коррупционеров, но вырастают новые. А у нас попробуй расстреляй всех коррупционеров, сразу половины населения страны лишимся (*смеются*). Я вас сегодня рассмешил — это хорошо.

А что касается «повелителя времени» — вы засмеялись, но вот сегодня в 23:40 футбол, где участвует российская команда. Почему я должен ночью его смотреть? Потому что я евроазиат? Кто-то придумал, что мы — Евразия, ну, я, естественно, евроазиат. Почему я должен в полвторого ночи ложиться спать? Культура-то у нас европейская, а часовые пояса азиатские.

Д.Л.: Все любители футбола обижены на Медведева. Я тоже с вами солидарен.

А.Д.: Раньше многие проблемы решали связи, сейчас — деньги. Вот национальная идея — деньги. Она работает везде практически, кроме Института философии (*смеются*).

Д.Л.: У нас за идею работают.

А.Д.: А за что же еще? Академия наук стала испытывать их воздействие в том числе и на выборах. Я вам маленький секрет открою. У нас сейчас стоит проблема выбора президента Академии наук. В этой должности дольше всех продержался Юрий Сергеевич Осипов. В многолетней истории академии несколько десятков президентов, все они продержались один-два срока. Потом, если интенсивно работали, как например Келдыш, они рано уходили из жизни, а другие подольше, но все равно не больше двух сроков. Этот уже больше всех и ожидает, по-видимому, продления. И мы все с любопытством смотрим — однажды, перед очередными выборами он повысил всем зарплаты, и за него проголосовали. Вот, может сейчас нам повысят зарплаты (*смеются*).

Д.Л.: Хотелось бы верить.

А.Д.: Я бываю на общих собраниях. Путин, выступая на последнем, сказал, что увеличено в пять раз финансирование Академии наук, а это мало кто заметил. Видимо, либо это он считает на оборудование какое-то пошли деньги, либо это с грантами суммируют. Его помощники же считают, не он. У меня подчиненных сейчас два человека, и как они ранее получали семнадцать тысяч, так и получают, уже в течение последних пяти лет. Преподавателям, может быть, сейчас полегче.

Академические работники, в том числе и философы, спасаются с помощью грантов. Позиции философов в Российском гуманитарном научном фонде благоприятны, и не дай бог, если что-то изменится.

Потерял Институт философии такое влиятельное место, как ВАК. Экспертный совет по философии, социологии, культурологии всегда возглавлял представитель Института философии, ранее это был академик Митрохин. А теперь возглавляет Миронов — декан факультета философии МГУ. С ним хорошие отношения, но уже это кто-то другой.

Условия работы в Москве

Д.Л.: Можно еще такой личный вопрос задать вам? Вы все-таки в трех городах жили: в детстве в Пензе, потом в Ленинграде и Москве. Какой из трех городов вы своим родным считаете? Ваша родина, где вам комфортней всего.

А.Д.: Интересный вопрос, не думал никогда на эту тему. Конечно, родным является Пенза, а удобным для работы, конечно, Москва, потому что здесь больше возможностей. Вот, скажем, если уж говорить о себе, я работаю в Институте философии, где очень демократические порядки, возможность для творческой работы, где никто тебя не заставляет: «К завтрашнему дню сделай то и то», — текст какой-то, что раньше, кстати, было. Вызывают в обком партии, говорят: «План такого-то района...». Я говорю: «Коллективу работа оплачивается — не оплачивается?». Не оплачивается, конечно.

Или же к подготовке какого-то доклада вызывают в ЦК: «Материал такой-то, за два дня». Но ты прекрасно знаешь, что он возьмет этот материал, положит в стол в лучшем случае, а в худшем кому-то отдаст, тот скажет: «Какой плохой материал!» А потом, когда надо будет секретарю ЦК готовить доклад, он его достанет, добавит что-то, и все. То есть работали в письменный стол чиновников. Сейчас этого нет, никто не претендует на твои работы, пиши сколько хочешь, хотя, возможно, мало кто их читает. Но ты пишешь спокойно, ты доволен.

Конечно, в Москве больше работы, больше возможностей, можешь перейти из одного института в другой. В Ленинграде уже сложнее, он все-таки в два раза меньше Москвы, и чем меньше город, тем важнее личные связи. Американец Даль писал, что в провинции так называемая элита крепко держит власть. С тобой очень жестко поступят, если ты выпадаешь из общей команды. В Москве посвободнее, Москва дает массу возможностей тем, кто работает. Отчасти именно поэтому многие и хотят переехать в Москву. Философы — исключение, они далеки от реалий. А социологи, ну, смотрите: Ядов переехал, Кон переехал, Здравомыслов также. Все социологи. Там тяжело было работать, чересчур жесткий контроль. При Романове особенно.

О конфликтологии и методе «case-study»

Д.Л.: Но с Санкт-Петербургом вы связи не теряете же?

А.Д.: Нет, мы вместе с Гусейновым иногда читаем лекции. У меня цикл по конфликтологии. Гуманитарный университет профсоюзов открыл первый в России факультет конфликтологии. Профлидер Шмаков заинтересован в таком факультете. Говорят, он пошел к Путину, и президент, надо отдать ему должное, дал согласие и средства на этот факультет. Я там читаю лекции по четыре часа каждый месяц. Учебник должен подготовить и терминологический словарь. К концу жизни могу заниматься тем, чем мне интересно. Юмором занимался в свободное от работы время, сейчас скандалами (*ищет книгу*).

Д.Л.: Скандалы вы рассматриваете как частный случай конфликта или как?

А.Д.: Есть такой метод «case-study» в социологии, это метод изучения случая. Я пытался исследовать скандал через экспертный опрос. Как любой социолог, предпочитаю опрос, интервью у специалистов. Не получилось. По одной простой причине — скандал носит быстро преходящий характер, он заменяется другими скандалами. Тот же Стросс-Кан. Дольше всего держался этот скандал, поскольку там женщин много, и они все на него в суд подают. Потом еще это фигура такая заметная, тогда глава Международного валютного фонда. Но большинство скандалов носят взрывоопасный характер, взрывной характер, то есть он прошел, и его забыли быстро.

Вот опрос — я стал опрашивать по поводу миграционного скандала всех моих друзей-демографов. Этот скандал произошел в 2006 году — запретили гастарбайтерам работать в аптеках, спиртное продавать и прочее и прочее. Скандал, шум были. Скандал — это такое явление, которое позорит его участников, он становится достоянием масс населения. Шум был большой, а когда я стал опрашивать специалистов, никто не помнит. Все говорят: «Это было три года назад, ты, конечно, хороший человек, но мы тебе не ответим». В общем, не получилось.

Другое дело «case-study» — изучение случая, который не дает полной картины, но дает эпизод, а если несколько эпизодов, то может дать тренд. В этой книге описана дискуссия между Жириновским и Пугачевой, если вы видели перед выборами, там разбирается этот случай. Конечно, редакторша, которая корректировала, слезно просила, чтобы Пугачеву так не «опускать».

Держите. Это вам терминологический словарь по конфликтологии. Мне сказал один аспирант: «Краткий словарь, ну уж совсем краткий словарь. Слова, которые употребляет наш зав. лаборатории... здесь ни одного нет». *(Смеются.)* Надо подготовить еще учебник. Чтение лекций по конфликтологии в Петербурге довольно утомительно. Что спасает, так это «Сапсан»: сейчас всего четыре часа идет.

Д.Л.: А вы готовите чисто практических специалистов? Не ученых?

А.Д.: Конечно. Общетеоретические вещи мало интересуют профсоюзы. Как конкретно решать, что такое модератор, что в суд нести, а что можно и во внесудебном порядке решить, — это более важно.

Д.Л.: А где они будут работать?

А.Д.: Вы задали такой вопрос, который я им задаю, а они мне. Где работать? Понимаю, что им пока негде работать. Наше гражданское общество еще не созрело. Скажем, в Германии существует около десятка институтов по решению конфликтов. В основном, это коммерческие институты, сотрудников которых приглашают организации и просят решить тот или иной конфликт. У нас до этого еще не доросли. Поэтому студенты факультета получают одновременно диплом и юриста, и экономиста. У них конфликтолог как бы вторая специальность. То есть запишут: «Экономист, конфликтолог». Где практику проходить? Профсоюзные работники опасаются, судебные тоже не горят желанием: «Зачем они? Начнут еще наши недостатки замечать, еще что-нибудь». В общем, это проблема. Но она решится, конечно, в конечном итоге и в общем плане. Так говорит один мой знакомый: «Добро побеждает в конечном итоге... в общем плане...»

Д.Л.: Будем надеяться.

Текст авторизован А.В. Дмитриевым.